

УДК 82.193.7

К ВОПРОСУ О ВЕРБАЛЬНОМ КОМПОНЕНТЕ ОБРЯДА ПОХОРОН У КАЛМЫКОВ

Т. Г. Басангова

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН

В статье исследована структура похоронного обряда у калмыков, а также благопожелания, заговоры, сопровождавшие данный переходный обряд. Статья основана на полевом материале автора и других фольклористов.

The author of the article analyses the structure of funeral rites of the Kalmyks, as well as thanksgiving incantations and arcane rites performed during this transitional ceremony. The article is based on the field material of the author and other specialists in folklore.

Ключевые слова: обряд похорон; структура обряда; благопожелания; заговоры; традиционность.

Keywords: funeral rites; structure of ceremony; thanksgiving incantations; arcane rites; traditional character.

Похоронный обряд относится к типу ритуалов, получивших после исследования А. ван Геннепа название переходных. В самом общем виде его структура включает в себя три фазы: прелиминальный период, связанный с отделением лица или группы лиц от своего прежнего социального статуса, лиминальный (промежуточный) период, имеющий определенную продолжительность и предполагающий специфическое ритуальное поведение участников обряда, постлиминальный период, в течение которого «лиминальные персоны» наделяются новым социальным статусом, а весь коллектив, задействованный в ритуале, возвращается после совершения определенных ритуальных действий к обычному течению жизни [1].

Похоронный ритуал калмыков сохраняет традиционную схему переходного обряда. Он имеет установленную продолжительность – это 49 дней, каждый из участников обряда наделен определенным ритуальным и речевым поведением. Структура похоронно-поминального обряда, согласно полевым исследованиям, существенным образом не изменилась и является одной из традиционных в культуре калмыков. Как и в обрядах многих народов, участники похоронно-поминальной церемонии выражают свое отношение к происходящему. В проявлениях горя калмыки отличались сдержанностью, но умели находить слова для выражения чувства скорби по умершему.

Похоронные и поминальные обряды калмыков определяются типичными для всех народов понятиями о потустороннем мире.

Погребальный обряд состоял из ряда действий, которые, по представлениям людей, должны были облегчить путь человека в загробный мир. Суеверный страх перед смертью породил ряд примет и поверий, связанных с уходом человека из жизни. В похоронном обряде калмыков отразилась вера в очистительную силу огня: после акта захоронения покойника участники обряда должны были очистить себя дымом и пламенем ритуального костра.

В похоронных обрядах калмыков тесно переплетаются пережитки как ранних, так и поздних представлений и верований, в них четко прослеживается культ предков. Погребальный обряд в отличие от других семейных обрядов не упрощается, участники обряда стараются исполнить все ритуалы. Считалось, что незаконченность обряда сулит родственникам покойного несчастья, и существовала боязнь, что покойник заберет их с собой в иной мир.

У калмыков в старину в обряде похорон участвовали только мужчины. Так, в документальной повести Боси Сангаджиевой «Сиротское счастье мое» описан обряд похорон ее матери. Она пишет о том, что «... мать пошли хоронить трое мужчин-родственников, вырыв могилу у подножия холма» [2]. Женщинам на место захоронения нельзя было ходить.

В народе бытовал ряд примет и суеверий, связанных с миром мертвых.

Наступление смерти у калмыков обозначается разными словосочетаниями: *насан бірль* «окончил жизненный путь, взял свои годы»; *бурхн болх* «стал бурханом»; *ідмгнь чиле* «закончился его хлеб»; *нась чиле* «закончились годы, отведенные ему»; *гертин йовль одв* «ушел домой»; *сієін хіів* «нашел хорошее». Эти словосочетания являются смысловой основой поминальных *йорелов*, произносимых после похорон умершего. В *йорелах* покойному желали быстрее достичь райской страны, также желали ему благополучного перерождения. В похоронно-поминальной обрядности калмыков распространено словосочетание *яс бірх* – «держат кость». В числе провожающих в последний путь родственников должен быть мужчина («одной кости» с покойным) с определенным годом рождения, который должен находиться с умирающим до самой последней минуты и который должен первым прикоснуться к нему после кончины, а также участвовать в обряде похорон, устраивать поминки. Какого года должен быть этот мужчина, устанавливал лама или медлгчи (знающий)¹.

В течение 49 дней в доме покойного зажигали лампадку *зул*, она должна, по представлениям калмыков, освещать душе покойного дорогу в страну, в которой некогда переродится его душа.

Признаком смерти было состояние, выражаемое словами *імнь сарх* – «вышла душа». «Умершего оплакивали громкими причитаниями и специальными плачами. Формы выражения горя описаны в «Сокровенном сказании монголов» и в текстах калмыцких сказок.

В «Сокровенном сказании монголов» приводится плач Оэлун-уджин по Чиледу: «Брат мой Чиледу! На ветру он кос не разведал. В пустой степи он не голодал. Каково ему сейчас?» Косы свои роняя то на спину, то на грудь, устремляясь то вперед, то назад со словами: «Что делать сейчас?» – она громко плакала, обращая свой взор на волны, на лес, на долины и холмы» [3].

В плаче Оэлун-уджин нашли отражение древние мотивы и представления, касающиеся женских волос. У монгольских народов сохранились обряды, переводившие невесту в статус замужней женщины. Одним из них было создание женской прически, заключающейся в делении косы на две части. Затем косы заплетали и прятали их в *накосники шиверлики*, заканчивающиеся серебряными украшениями – *токугами*. Косы, заключенные в накосники, нельзя было носить за спиной, они должны были лежать строго на груди. Исходя из текста «Сокровенного сказания монголов», только в силу трагических эмоций, выражения безутешного горя «косы перебрасывались то на спину, то на грудь».

Глубина страданий подчеркивалась определенными позами, движениями тела, в тексте причитания это состояние выражено формулой «устремляясь то вперед, то назад». Данная формула нашла отражение в калмыцкой богатырской сказке «Трехлетний и четырехлетний»: «*Арднь Сунуха ирид імірін киисід уульн гиль маьнаннь арс љулєлад, хоран Киисід уульн гиль гильгиннь арс љулєлад, кевтдг болна*» «Трехлетний богатырь, плача, падал вперед так, что поцарапал кожу на лбу, плача, падал назад так, что кожа слезла на затылке» [4, с. 69].

В этой сказке ритуал плача и его последствия также выражены формулой: «*Ууля-ууля бііь ље гиль муурад*» «Так долго он плакал, что устал и обессилел» [4, с. 80].

Древний вид захоронения в горах нашел отражение в «Джангаре» – в мотиве битвы враждебных богатырей. Богатыри обращаются с просьбой друг к другу:

Ээль-аавин кесн,
Эмнг цасан ясиг
Учр уга сазрт
Бичгі гргілдий
Учиртахн гндр Цасан уулын
Белд гргелций!

Священные белые кости свои,
Дорогих родителей творенье,
Не будем хоронить
В плохом месте,
А похороним на склоне
Белой высокой горы! [5].

¹ Информант Ш.В. Боктаев, хошут. Зап. авт., 2003 г.

Призывание счастья, оставление счастья живым – одна из главных целей и моментов похоронного обряда калмыков. Перед выносом тела покойного совершали обряд оставления счастья. Для этого чашку наполняли сладостями – конфетами и печеньем, которое крошили на мелкие кусочки и смешивали со сливочным маслом – одним из видов молочной пищи *идін*, символизировавшей открытую белую дорогу в иной мир. В *йорелах* просили покойного не брать счастье – *кишг* из дома, а оставить его своим близким. Благоприятно было умереть в дни *мацг* – во время поста, соблюдаемого восьмого, пятнадцатого числа лунного месяца, а также в новолуние. Плохим признаком было умереть в субботу.²

Сүлд, по анимистическим понятиям калмыков, представляет собой наличие жизненной силы, которая таится в разных частях тела. В случае потери жизненной силы человек заболел физически и душевно. Среди калмыков сохранилось древнее выражение *сүлдгод* – «потеряй *сүлд* (жизненную силу)». Это эмоциональное выражение, применявшееся по отношению к какому-либо человеку, демонстрирует враждебность к нему и синонимично выражению «иди прочь, не смотри назад». Характерно, что последнее выражение чаще употребляется по отношению к покойнику в целях предостережения от «*тачала*» – особого притягательного свойства умерших. Люди боялись смерти, покойников, поэтому в целях предосторожности совершали специальный обряд как противоядие против *тачала*. Слово *тачал*, по всей видимости, произошло от слова *татх* – «тянуть за собой». По представлениям калмыков, неисполненность погребального обряда влечет за собой отрицательное влияние на живых. В случае *тачала* люди обращались к шаманам – *бг* или знающим – *медлгчи*, и те совершали обряды. Калмыки считали, что есть два вида *тачала*-притяжения: притяжение живых и притяжение мертвых.

Наличие *тачала*-притяжения определялось по внешнему виду человека: это наличие тоски, подавленного состояния, иногда повышенной температуры. Знающие и гелюнги определяли, какого вида *тачал* поразил человека. По народным представлениям, притяжение живых чаще возникает при несчастной любви. Считалось, что *тачал* живых людей сильнее *тачала* мертвых³.

Для того чтобы не было притяжения мертвых, живые обращались к ним с просьбой-мольбой: «*Ардан бичи хили!*» «Не смотри назад!» В калмыцком языке есть эмоциональное выражение, которое произносится при выражении горя с сильным чувством: *Долан уул!* «Семь гор!» Причем данные слова повторяются двукратно. Монголы тоже произносят мольбу-просьбу в адрес умершего, в ее тексте также упоминаются семь гор – это место, куда должен отправиться покойный. Очевидно, выражение *долан уул* связано с древней похоронной обрядностью калмыков, когда тело покойного оставляли в горах между высокими вершинами или в расщелине скалы. Этот обряд отражен в старинном похоронном заговоре.

Долан уулын цаасур давул,
Долан боргчин гүүн шгл у,
Эриті ахр деесір татул.

Переправься за семь гор,
Пей бульон, сваренный из мяса семи серых кобылиц,
Пусть тянут тебя короткой пестрой веревкой [6].

Престарелый человек, обычно предводитель обряда похорон, произносил благопожелание. В данном случае речь идет о похоронном благопожелании-мольбе. Для калмыка понятие «уйти в иной мир, умереть» определяется словами *сїісін хїіх* – «найти хорошее». *Йорелчи* просит покойного «насытиться пищей, предназначенной ему» и «быстрее уйти в иной мир, не оглядываясь назад в мир живых, оставив счастье».

Не, сїісін хїісн (нернь),
Эдлль уульасн хотычн чамд нерїдлынів,
Ур деельнь кўрч, падль ханль,
Цааран хїлїль йовхичн эрль
сурьанавидн.

Да, нашедший лучшее (называется имя человека)
Часть съеденной пищи тебе отдаем,
Пусть ты насытишься почетной пищей – дееджи,
Просим тебя смотреть только
в сторону того мира, куда ты ушел [7].

² Информант Бокова К.Б., 1900 г. р., род хапчин, дербетка. Зап. авт., 1990 г.

³ Информант Бадминова А.С., 1924 г. р., род ики-Чонос, ики-дербетка. Зап. авт., 1998 г.

Земля, куда отправляется покойник, носит название *таральгин орн* – «райская земля». *Йорелчи* желает, чтобы дорога, по которой движется душа покойного в течение сорока девяти дней, была светлой. В этой райской стране, согласно пожеланию *йорелчи*, он должен был встретиться с душами покойных родственников. В *йорелах* звучит мольба, чтобы покойный оставил счастье – *кишг* для представителей своего рода.

Буян нурендан ўўрч,
Ардан тачал уга,
Ардк биісн улстан
Кишгін ардан
Ўлділь йов,
Сін орнд тгрх болтха!

Возьми с собой все, что пожертвовали,
Не тяни нас за собой,
Оставшимся родным и близким
Оставь счастье,
Оставь и иди,
Желаем перерождения на хорошей земле!⁴

Перерождение в хорошей стране имело большое значение для калмыков, которые исповедовали буддизм. Худшим из проклятий было пожелание человеку плохого перерождения, например, *хорхад тгрль йов* – «переродись в червяка». Элементы заговорных формул являются частями похоронного *йорела*, усиливающими его действие, а значит способными магическим образом оказать влияние на смерть. Как пишет Н. Познанский, пожелание и приказ оказались наиболее устойчивыми и хорошо сохранившимися элементами в заговоре [8].

После окончания траура в доме покойного совершают очистительные обряды с чтением молитв духовными лицами. Приносят жертву огню. Обращаясь к божеству огня, просят, чтобы запах от жертвенного мяса и масла достиг места, где находится душа покойного, и он насытился им. Также произносят *йорелы* в честь умершего:

А, хиірхн,
Танд, аав
Ур деелын бірлінівидн.
Гьгрсн мана аав,
Идж, ууль, цадль, ханль,
Цааран хіліл,
Ўлдсн ўрн садндан,
Кишг буян ўлдітн.

А, хайрхан,
Покойному отцу
Преподносим начаток пицци – дееджи,
Покойный наш отец,
Пейте, ешьте досыта,
Идите по своему пути,
Не поворачивайтесь к нам,
Своим оставшимся родным и детям
Оставьте свое счастье – *кишг* [9].

В текстах *йорелов*, произнесенных на поминках, звучит просьба о том, чтобы покинувшие мир близкие, прежде всего отец и мать, стали *сякюсенами* – гениями-покровителями. Об этом говорится в краткой молитве «*Ээль аавин бурхн сікүсн гршітхі*» «Пусть нам покровительствуют дедушка и бабушка, ставшие бурханами и сякюсенами».⁵ По представлениям калмыков, знание своих предков в семи поколениях и упоминание имен их в молитвах в доме обеспечивает людям покровительство. Для того чтобы обеспечить связь между миром мертвых и миром живых, заказывали в хуруле поминальную молитву – *йгріл*. При этом обряде совершались жертвоприношения в виде *кишг* (мужской рубашки), материи – *эд* (женская одежда), масла, сладостей⁶.

При посещении захоронений предков бросали на могилы серебряные монеты, оставляли там горячую пищу. Произносили *йгріл*-благопожелание, обращенное к умершим родителям:

Не, ода мана сіісн хиісн аав-ээль,
Маниг ирсинь медль,
Мана авч ирсн хотыг
Уусн – идсн боль.

Да, нашедшие лучшее
наши родители,
Вы видите, что мы навестили вас,
Ешьте пищу, принесенную вам,

⁴ Информант Бадминова А.С., 1924 г. р., род ики-Чонос, ики-дербетка. Зап. авт., 1998 г.

⁵ Информант Басангова Ц.Т., 1900 г. р., род эркетен, торгутка. Зап. авт., 1993 г.

⁶ Информант Бадминова А.С., 1924 г. р., род ики-Чонос, ики-дербетка. Зап. авт., 1998 г.

Ханль цадль, цааран хіліл,
 Ардан ўлдсн цуг маднд
 Хгв-кишгін насан гч йовх болтха!

Вместе с нами досыта.
 Нам, оставшимся на земле,
 Оставьте годы и счастье!

Похоронная обрядность отражена в *йорелах*-благопожеланиях посредством поэтических констант [10]: *теьгрин орнд оч* «уйти в небесную страну», *сіннь орнд тгртхі* «пусть перевоплотится в хорошем месте», *хот нерідх* «даровать пищу», *цааран хіліх* «не смотреть на нас», *кишг гх* «отдать счастье», *таральгин орнд тгрх* «возродиться в раю», *ик насан гх* «отдать свое долголетие», *огцан сольх* «поменять тело, облик», *кишг-буян хіірлх* «отдать свое счастье и добродетель», *кўрх еазртан кўрх* «достичь желанной земли», *насан авх* «взять годы».

Перерождение души в виде хорошего или плохого существа зависит от добрых или злых деяний на земле. Совершение погребального обряда – чтение молитв, проведение ритуала похорон в полном объеме – способствует в конечном счете перерождению души покойного в лучших мирах. В поминальных *йорелах*-благопожеланиях выражена просьба родственников к богам, чтобы душа их родственника нашла перерождение в лучшем из миров – в раю (*сін орн*). Произнесение благопожеланий, заговоров находит место в обряде похорон у современных калмыков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геннеп А. ван. Обряды перехода. М, 2000. С. 15.
2. Сангаджиева Б. Счастье сироты. М., 1993. С. 6. (На калм. яз.).
3. Сокровенное сказание монголов. М., 1940. С. 56.
4. Хальмг туульс. Элст, 1961. 220 х.
5. Джангар. Элиста, 1960. С. 140.
6. Мэнэс Г. Материалы по традиционной похоронной обрядности захчинов МНР конца XIX – начала XX века // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск, 1992. С. 125.
7. Записи М.Э.-Г. Эрдни-Горяева, Т.Г. Басанговой // Архив отдела фольклора КИГИ РАН.
8. Познанский Н. Заговоры. Пг., 1917. С. 74.
9. Калмыцкие народные благопожелания Записи М.Э.-Г. Эрдни-Горяева / пер. Т.Г. Басанговой // Науч. архив КИГИ РАН.. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр.171.
10. Гацак В. М. Фольклор – память традиции (Уровни и формы этнопоэтической константности) // Вестн. Дагест. науч. центра. 2000. № 8. С. 94–103.

Поступила в редакцию 12.02.2015 г.

Принята к печати 29.06.2015 г.